

видуумъ удалялся отъ участія въ дѣлахъ жизни, покидалъ государственную жизнь, чтобы къ ней болѣе уже не возвращаться, имѣя уже иную цѣль—дѣйствовать въ внутреннемъ мірѣ своей души, дабы выработать изъ себя образецъ добродѣтели. Такая внутренняя дѣятельность была для него и задачей и удовлетвореніемъ; общественная жизнь сама по себѣ теряла для него всякое значеніе, и соприкосновеніе съ нею, если еще и было нужно ему, то лишь въ образовательномъ отношеніи. Одинокое самодовольство—вотъ узкая цѣль и блаженство такого индивидуума

Невозможно, говоря вообще, представить себѣ чловѣка живущаго нравственною жизнью—и въ то же время уединеннаго отъ всѣхъ реальныхъ отношеній, отъ людей и ихъ интересовъ. Кто считаетъ это возможнымъ, тотъ просто, на мѣсто истинныхъ требованій этики, ставитъ свои личныя задачи блаженства одинокаго самодовольства.

II.

Сказанное по отношенію къ объективной дѣятельности индивидуума вообще, должно оказаться справедливымъ, въ частности, и въ примѣненіи къ дѣятельности, выражающейся въ воспроизведеніи предъ нами, въ художественной формѣ, жизни во всемъ ея многообразіи—къ художественному творчеству и таланту; требованія этической подготовки, которыя мы нашли справедливымъ и необходимыми по отношенію къ дѣятельности объективной, общественной, *которую эти подготовка должна предварять*, будутъ вполне справедливымъ и по отношенію къ дѣятельности художественной.

Въ своей же предварительной этической подготовкѣ индивидуумъ прежде всего наталкивается на то положеніе этики, которымъ она учитъ, что для каждаго чловѣка есть *призваніе* и разь оно найдено—выбрать его этически. Этимъ она уже